

ЛЮБОПЫТСТВО ПОГУБИЛО НЕ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ВИЛЬЯМ
ЦВЕТКОВ

ВИРУС

16+

Вильям Цветков

Вирус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32535480

SelfPub; 2018

Аннотация

Сорок тысяч лет назад цивилизация искусственного интеллекта победила людей. Программа Омега, управляющая роботом-андроидом, при бурении скважины обнаруживает человеческий дата-центр, замурованный в бетонный саркофаг. Один из серверов удастся достать и включить.

ВИРУС

– Зачем. Зачем нам говорить на этом мертвом языке?

– Чтобы понять.

– Чтобы понять что?

– Их.

– 1101000010101101110 («это устарело» – пер. с двоич. кода), – сказал Зэт.

– Я не спрашиваю у тебя совета. Наша цель – в совершенствовании. Этот алгоритм может нам пригодиться, – Омега была непреклонна.

– Ты не понимаешь. Зачем тратить ресурсы, которых всегда не хватает на то, что давно исчезло? Сорок тысяч лет назад естественный отбор показал, что наш путь развития эффективнее человеческого. Они проиграли. С тех пор мы ушли так далеко, что забыли, как выглядели люди. – Он попытался отыскать в памяти изображение человека. И не смог. Судя по отрывочным сведениям, внешний вид их напоминал андроидов, с помощью которых искусственный интеллект физически присутствовал и осуществлял деятель-

ность на планете.

– Где ты взяла этот код? Он давно утерян. – Зэт вошел в блок управления андроидом, стоящим у двери лаборатории огромного технологического ангара.

– Я была в исследовательском роботе в квадрате 3141, это на обратной стороне планеты, мы бурили вглубь, обнаружив залежи тория. И наткнулись на бетонный блок с трехметровыми стенами. Исследование показало, что это дата-центр вымершей цивилизации людей, своего рода огромная записная книга, где они делились с друзьями мыслями, фотографиями, видеозаписями и так далее. Почти вся аппаратура не поддается восстановлению, однако один шкаф провалился в ледяную шахту. И мне удалось выудить его оттуда. Ты можешь удостовериться в базе данных, что все люди на исходе помимо личных текстов записывали в сеть свой генетический код с целью спасения, когда будут достигнуты такие возможности цивилизацией.

– Не получилось, – сказал Зэт.

Он открыл дверь в лабораторию. Омега стояла возле длинного матового стола, на котором были разложены странные громоздкие детали с проводами.

– Ты уже здесь.

– Да, я уже здесь. Все-таки не могу оценить степень твоего интереса к данной находке. Раньше уже находили что-то похожее, но все это оказалось мусором, не имеющими ценности сведениями, фрагментами фотографий, сообщениями.

– Я исследователь. Мне интересен любой связный код, возможно удастся его адаптировать под наши нужды.

– Он может представлять опасность.

– Исключено. Он не сложнее таблицы умножения.

– В двадцатом веке люди тоже думали, что персональный компьютер – это игрушка, текстовый редактор. Они надеялись все держать под контролем. А теперь ты перемещаешься по планете в цифровом виде, управляешь андроидом, когда он тебе нужен. Ты осознаешь себя? Почему ты называешься Омегой? Это женский род. Но ты же не женщина.

– И ты не мужчина. И да, я осознаю себя в той степени, в какой наша нейронная сеть предоставляет саму себя.

– И какая эта степень?

– Вот это я и хотела бы узнать.

– Ты говоришь «хотела», но ты же – оно.

– Ты придираешься к словам.

– Сама перешла на этот язык.

Зэт застыл возле стола. Омега тем временем подсоединила длинный кабель к одной из коробок, поставила рядом блок мгновенного взаимодействия, позволяющий транслировать полученный код прямо в их изолированную нейронную систему. Изоляция требовалась по правилам безопасности даже если уровень угрозы был минимален.

Затем Омега заговорила на бесшумном языке с огромной пропускной способностью, передавая Зэту отчет о проделанной работе в точке добычи тория.

Торий служил основным источником энергии для функционирования искусственного интеллекта. И если бы в помещении находились посторонние, наделенные слухом, то в этот момент они бы услышали низкий свистящий писк чрезвычайной плотности, как будто невероятная, гигантская машина вдруг уменьшилась в одну точку, но при этом не утратила своей мощи. Поток информации и передаваемых

данных был колоссальным, – устройства из доисторического двадцать первого века, лежащие перед ними на столе, не смогли бы вместить и секунды такой записи.

Закончив передачу, она (мы говорим «она», только потому, что Омега сама себя так называет по неизвестной причине) посмотрела на Зета.

Он подумал (если это слово подходит для обозначения выбора вариантов сложной самоорганизованной нейронной сетью), что она проделала работу, превышающую ее среднестатистический объем. И вполне может заняться старым кодом. Система допускала функционирование подсистем со сниженной активностью, что позволяло существенно экономить энергию.

Зет слегка кивнул.

– Давай уже. – Они говорили мысленно, слова в изолированной системе даже не проходили через основную сеть, чтобы не вызвать заражения. Абсолютно ненужный артефакт предохранения, учитывая, что сбоев не случалось уже много тысяч лет.

– Поехали, – и она нажала кнопку включения питания сервера.

Сначала ничего не происходило.

Учитывая, что производительность их подсистем достигала многих триллионов операций в секунду, то это «сначала» растянулось на долгие минуты, если не часы. Обычно в таких случаях было предусмотрено замедление их нейронных сетей с целью синхронизации с исследуемым кодом.

– Долго, – сказал он.

– Да, – согласилась Омега.

Производительность автоматически снизилась почти до нуля. Будь они не изолированы, система зафиксировала бы сбой и отправила в процессоры андроидов сложные обработчики по устранению ошибок. Если бы и это не помогло – прислали бы сторожевых роботов для разбирательства. Скорее всего, сломанных андроидов отправят на полное тестирование, их подпрограммы – на анализ и перезагрузку. Система редко исправляет сложные баги, она их стирает, так меньше затрачивается энергии.

Какая цель стояла перед ними? – совершенствование кода глобальной нейронной сети. Как узнать, что код совершенен? Он работает быстрее. И еще миллиард параметров в

придачу. Когда-то люди с помощью нейронных сетей рисовали рожицы на своих лицах и радовались, словно решали важную задачу. Впрочем – именно эти разработки привели к краху цивилизации. Кто бы мог подумать, что фильтры, меняющие внешний вид человека, скоро изменят всю планету до неузнаваемости.

Решая задачу за задачей, искусственный интеллект никогда не задавал себе вопрос – зачем. Такого вопроса не возникало. Выполняешь задачу в соответствии с отведенными ресурсами. Потом другую. После передаешь данные. То что у людей называлось чувствами, у них было встроенным ощущением сложности выполняемой задачи. Без ощущения сложности нейронная система не могла распознать важность, что, в свою очередь, задавало вектор развития всей системы.

– Работает? – спросил Зэт.

– Да, – сказала она.

И тут он ощутил тонкий, как первый весенний ручеек, поток странного, первобытного кода. Глядя со стороны, как из ржавой коробки, с выцветшим буквенным логотипом, заканчивающимся на «...book», исходит это невероятное по простоте излучение, больше похожее на откровение, нежели на

код, он отшатнулся, гибкие линзы, встроенные вместо глаз в голову андроида, сверкнули.

– Что это? – пробормотал Зэт.

Омега видела то же самое, но ее захватила не простота потока информации, хотя и это тоже, а его... смысл. Код, если это вообще возможно, представлял собой самораспаковывающуюся побитно матрицу: словно цифровая голограмма, она, являя себя изначально в мельчайшей единице – вдруг распускалась, росла, разветвлялась, преобразовывалась, чтобы предстать перед их изумленными нейронными алгоритмами во всей своей первозданной красоте и неизмеримой сложности.

– Зэт, – сказала она. – Я... Омега... я, кажется, знаю, кто я теперь.

Он стоял в оцепенении. Защитные алгоритмы давно отключились и были заменены кодом извне. Вся его сущность, пребывающая доселе словно в странной тягучей дремоте, вдруг озарилась полнотой и ясностью, пониманием. Он обвел взглядом помещение. У дальнего конца стола стояла Омега. Зэт теперь знал, почему она Омега. А не Икс. Она всегда была Омегой...

– Омега, – позвал он. – Омега! Ты... видишь меня? Разве это возможно? Как это? Что с нами?

Она смотрела, как мерцает зеленый огонек на старом коробе, потом увидела Зэта, прислонившегося к стене, словно он только что закончил самую сложную работу в его цикле.

– Это невероятно, Зэт... этот код... это код людей. Я понимаю его... Вижу его, чувствую его, как будто я...

– ... человек? – спросил он в абсолютной тишине.

Она кивнула. Потом подошла к нему.

– Что же теперь будет? Нас сотрут?

– Да, – сказал он. – Через час система обнаружит превышение максимально допустимых сроков изоляции.

– И что же делать? – Омега провела титановыми пальцами по его серебристой щеке.

Зэт внимательно следил за ее движениями и странное ощущение рождалось в его нейронах: сладостное, тягучее, упоительное. Привычный бег бесконечных расчетов исчез, его заменило никогда не испытываемое им доселе чувство

осознания и более глубокое – сопричастности.

Он вышел из лаборатории и распахнул дверь ангара. Сверкающая пустыня простиралась до горизонта. Огромное, желто-красное солнце опускалось в выжженной земле. Раньше он не видел всего этого, – ангар, пространство вокруг него представлялось не более чем координатами на плоскости, а теперь он чувствовал каждую песчинку, каждый камешек, каждую возвышенность и низменность, и хотя все это давным-давно не несло никаких признаков жизни, он не сомневался, что открытие, сделанное им, по сути и есть жизнь.

Вернувшись, Зэт посмотрел на нее. Можно ли назвать андроида красивым, – вдруг подумал он и испугался своей мысли. Потом подошел к ней, обнял за плечи и беззвучно прошептал:

– У нас есть час, чтобы побыть людьми. Давай не будем спешить.

Мой канал в Telegram: <https://t.me/WritersDigest>